

CROSSING BORDERS ACCORDING STANISŁAW VINCENZ AS A SOURCE OF CREATIVITY

Krzysztof Duda (a)

(a) Jesuit University Ignatianum in Krakow. Mikołaja Kopernika 26, 31-501 Kraków, Poland.
 E-mail: krzysztof.duda[at]ignatianum.edu.pl

Translation: Roman A. Turovsky. Pontifical University of John Paul II, Krakow. 25, ul. Kanonicza, 31-002, Kraków, Poland. Email: roman_turovski[at]mail.ru

Abstract

Polish philosopher, writer and expert on ancient culture Stanisław Vincenz (1888–1971) is one of those who are almost forgotten in Poland. Lovers of the Eastern Carpathians as well as a handful of researchers of his creative works make efforts to ensure that his legacy, which is definitely of a timeless character, will still be reviewed by critics. Vincenz, who was the spiritual teacher of the Polish Nobelist Czesław Miłosz, merits this at least for his outstanding contribution to the studies on folk culture of the Hutsuls and his philosophy of dialogue between cultures. It was undoubtedly the childhood and living in a multicultural environment, in Sloboda Rungurska, where Hutsul, Polish and Rumanian influences merged with each other, that became an inspiration for Vincenz to study the cultures which surrounded him and which lay at the foundation of the world in which he existed. It was also there that he while yet a child made himself familiar with the language of the Hutsuls which inspired him to repeatedly return to that place almost like to an actually existing Arcadia. In his long life, Vincenz experienced the crossing of both physical and mental borders. One of such spiritual aspects was the decision to translate Fyodor Dostoevsky into Polish. Thus, from the unconscious entry into another dimension in the childhood, through the choices made during his life, Vincenz became the citizen of many cultural worlds and tried to acquire something valuable so that he might at the same time bring these contents into his own cultural circle. His cultural circle was determined by the Polish language, and because of his crossing of the borders and returning to his own place, Vincenz created works that enriched Polish culture but praised other cultures, too. Vincenz is currently becoming an inspiring figure for creating the cultural identity of Ukraine.

Keywords

Stanisław Vincenz; polish culture; philosophy; Eastern Carpathians; folk culture; anthropology of culture; Hutsuls; borders; dialogue; multiculturalism

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦ ПО СТАНИСЛАВУ ВИНЦЕНЦУ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Дуда Кшиштоф (а)

(а) Академия Игнатианум в Кракове. Mikołaja Kopernika 26, 31-501 Kraków, Польша.
E-mail: krzysztof.duda[at]ignatianum.edu.pl

Перевод: Туровский Роман Антониевич. Папский университет Иоанна Павла II. Польша, Краков,
31-002, ул. Канонича, 25. Email: roman_turowski[at]mail.ru

Аннотация

Польский писатель, философ, авторитет в области античной культуры, духовный наставник нобелевского лауреата Чеслава Милоша и переводчик произведений Достоевского на польский язык, Станислав Винценц (1888–1971) – один из тех, чье имя нечасто вспоминается в Польше. В наши дни специалисты по Восточным Карпатам, а также группа исследователей творчества писателя, прилагают большие усилия к популяризации наследия Винценца имеющего вневременную и универсальную ценность, к изучению его выдающегося вклада в изучение культуры гуцулов, ставшей одной из основ для формирования собственной философии диалога культур. Детские и юношеские годы, проведенные в мультикультурной среде Рунгурской Слободы, где гуцульское, польское и румынское влияния сливались в уникальном единстве, в месте, куда он мысленно возвращался всю жизнь как в некую Аркадию, стали для писателя источником собственной поэтической и мистической картины мира. За долгую жизнь Винценца его уделом многократно становился опыт преодоления как физических, так и ментальных границ, определяющих собственное понимание жизни, своего места в ней, всего того, что по мере постижения становилось дорогим сердцу и вдохновляло к творчеству. Проходя путь от неосознанного детского погружения в иное культурное и метафизическое измерение, через дальнейшие, уже взрослые и осознанные, акты преодоления границ, Винценц становился жителем многих культурных миров, стараясь почерпнуть в них что-то ценное, стремясь при этом вносить их смыслы в свой собственный культурный круг, очерчиваемый гуцульским менталитетом и польским языком и определяющий его творчество. Сегодня фигура писателя, его творчество, воспевающее дух Гуцульщины, рассматриваются некоторыми украинскими исследователя в качестве важного источника для конструирования собственной культурной идентичности.

Ключевые слова

Станислав Винценц; польская культура; философия; Восточные Карпаты; народная культура; культурная антропология; гуцулы; границы; диалог; мультикультурализм.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Польский философ, писатель, знаток античной и гуцульской культуры Станислав Винценц (1888–1971) является одной из незаслуженно забытых сегодня фигур, важных для польской культуры. Ценители Восточных Карпат и немногочисленные исследователи его литературного наследия сейчас заботятся о том, чтобы творчество писателя, несомненно обладающее вневременной ценностью, оставалось в поле интересов критиков, вдохновляло антропологов культуры. Мысль Винценца исследовалась как в Польше, так и за границей. К самым значительным из всех следует отнести работу Мирославы Олдаковской-Куфлевой, (Ołdakowska-Kuflowa, 1997), которая анализируя философские установки писателя, его работы, посвященные Платону и Гомеру, рисует портрет мыслителя, обладающего целостным религиозным мировоззрением. Очень важной является и коллективная работа под редакцией Яна Хорошего и Яцека Кольбушевского (Choroszy & Kolbuszewski, 1992), представляющая собой сборник статей, посвященных литературному творчеству Винценца. Следует также отметить интернет-портал www.vincenz.pl (Проект «Архивы Станислава Винценца (1888–1971)»), созданный Хорошим, где представлен богатый визуальный и письменный материал, посвященный наследию Винценца, в том числе здесь можно найти постоянно пополняющуюся библиографию писателя.

Кроме того, что Винценц был духовным наставником польского лауреата нобелевской премии Чеслава Милоша (Kowalczyk, 1992, s. 26–27), он заслуживает пристального внимания современного исследователя, в том числе, и за весомый вклад в исследования нематериальной культуры гуцулов, коренных жителей Восточных Карпат. Обладающий высоким писательским мастерством, Винценц создавал на основе гуцульских преданий труды, пронизанные собственной оригинальной философией диалога и философией культуры. Несомненно, детство, проведенное в Рунгурской Слободе, где взаимно пересекались гуцульские, польские, еврейские, румынские влияния, вдохновило Винценца к исследованию национальных традиций. Особенно повлияла на него культура гуцулов и евреев. Именно тот образ мира, который они с собою несли, стал основой его рассказов, имеющих, как замечает Эва Пачоска, характер саги (Paczoska, 2018, s. 47). В каждом из таких образов мыслитель видел потенциал стать основой целостной антропологической модели, его видение межкультурных взаимоотношений не было утопической идеей, оно выросло из

опыта реальной жизни. Такой опыт заключался в постоянном преодолении чего-то иного, вхождении в новые, социально отличные, но по своей внутренней структуре и логике – очень близкие, сферы. Ведь любовь, страдание, одиночество, расставание и смерть – это феномены являющиеся фундаментом любой культуры, хоть и переживаемые в каждой из них несколько иначе.

Предметом нашего исследования будет явление преодоления всевозможных границ – границ в сознании, во времени и в пространстве, явление, которое в огромной мере определяло характер творчества Винценца. Такие границы становились для писателя скорее приключением, чем препятствием, их преодоление давало карпатскому мыслителю возможность выработки нового взгляда на реальность как таковую, определяло способ формирования собственной личности, испытания ее в самых разных граничных, по-своему – предельных, ситуациях.

ГРАНИЦЫ ДЕТСТВА И МОЛОДОСТИ

Очевидной представляется мысль о том, что страна детства, детские переживания и опыт, получаемый в отроческий период, становятся источником вдохновения для творческих личностей, факторами, существенно влияющими на жизненную стратегию каждого человека. Ведь такой ранний опыт может определить всю дальнейшую жизнь, со всеми ее красками, мироощущением и аксиологическими обертонами, именно он формирует определенного рода скелет для этоса данной личности. Вырастая в среде католического польского дворянства, задающего интеллектуальный тон в местном обществе, Винценц, тем не менее, в свои самые ранние годы воспитывался главным образом гуцулкой Полахной Слипенчук-Рыбенчук (15. X. 1839, Криворовня – 26. III. 1906, Рунгурская Слобода). Именно благодаря ей, будучи еще ребенком, будущий литератор овладел языком гуцулов, ставший для него своеобразным каналом для неустанных возвращений в детство, едва ли не как в реально существующую Аркадию:

«Мой язык детства не является материнским, это язык няни Полахны, то есть украинский. Когда некий внутренний голос диктует мне то, что я должен написать, это всегда происходит на языке няни» (Vincenzowa, 1996, s. 130).

Это признание, сделанное уже зрелым человеком, показывает, насколько сильно он был укоренен в реальности жителей Карпат.

Кроме того, именно Полахна разбудила в маленьком Станиславе воображение: благодаря ей, оставаясь в мире обыденности, заполняемой изучением иностранных языков и уроками игры на фортепиано, мальчик ощущал то, что находилось вне этого мира, прикасался к Трансцендентному в его народном измерении.

Таким образом, культ и культура воображаемого и произносимого слова сплетались в сознании Винценца в один венок, из которого со временем возник собственный литературный мир писателя. Именно так он увидел мир во всем многообразии его измерений и смыслов. А Полахна нашептывала ему на ухо вереницу рассказов о живом небе, реально существующем среди звезд, о мире

«ангельских храмов рассеянных по всему небу. Там радуются, веселятся добрые души, души благословенные, Божественные, лучистые ангелы поющие: слава, слава Господу святому. Это правдивая правда, сынку. Так рассказывал нам старый вещун, человек святой и сведущий. Мальчик наклонился к окну и прислушался. Полахна быстро, с суеверным страхом отодвинулась от окна. – Нет, мой маленький, никто на земле не слышит этого пения, разве что лишь тогда, когда должен уйти – туда. Мой покойный деда слышал ангельское песнопение, когда умирал, а мы, глухие как пень, лишь удивлялись и ничего не слышали» (Rymarowicz et al, 2016, s. 56).

Подводя итог самому раннему периоду жизни Винценца, Жанна Эрш описывает его творческую личность следующим образом:

«собственный уголок Карпат, с его колоритным разнообразием культур, обычаев, постоянно углублялся в нем самом и вокруг него, он постоянно открывал в нем сокровища. Был человеком верующим, католиком. Но нуждался в ереси. Я думаю, что без нее не чувствовал бы себя преданным правде. Иногда я даже спрашиваю себя, не потому ли он был католиком, чтобы иметь возможность быть еретиком? Кроме того, в нем была какое-то особое понимание дьявола – чувствовал в нем избыток его одиночества. Пробовал даже иногда с ним разговаривать. (...) Сама мысль о Польше без ее евреев была для него невыносима. Когда он был еще там, ему удалось, подвергая себя огромной опасности, спасти нескольких из них» (Hersch, 1992, s. 38).

Имея за плечами рано сформировавшийся богатейший мир воображения, Станислав Винценц отправляется уже в новый для него мир школьных переживаний. Близлежащие Коломыя, Стрый, где он изучает греческий, чтобы в будущем стать признанным в мире знатоком Гомера. Затем Львовский университет, и, наконец, – Вена, где писатель изучает юриспруденцию, биологию, философию, санскрит и русский язык, что позволило ему переводить на польский произведения Достоевского (Dostojewski, 1917). Здесь же в 1914 году он защищает докторскую диссертацию, в которой исследует влияние гегелевских построений на концепции Фейербаха. В Вене Винценц знакомится со своей первой женой, крымчанкой Еленой Левентон, имеющей русские и грузинские корни. В супружестве рождается сын Станислав Александр. Его второй брак, заключенный с Иреной Эйсенманн в 1923 году, принес на свет двоих детей: Анджея и Барбару. После перипетий в личной жизни Станислав возвращается в родные края и строит дом в Быстрице, ставший пристанищем и настоящей Меккой для ученых. К нему приезжают гости со всей Европы с желанием впитать в себя таинственность гор и насладиться гостеприимством Винценцев. Оно выражалось не только в предоставлении крыши над головой, но прежде всего – в совместных исследованиях и дискуссиях на наиболее животрепещущие темы.

Здесь же, в Быстрице, Винценц начал и писательскую деятельность которой посвятил всю свою дальнейшую жизнь. При этом, парадоксально, писатель был уверен в том, что «книги не помогают нам перешагнуть самих себя» (Vincenz, 1993a, s. 59). Гораздо больше, чем чтение книг, писатель ценил устные рассказы, хотя и считал полезным громкое чтение вслух, полностью поглощающее внимание слушателя и позволяющее во всей полноте вообразить себе описываемую реальность. Писательская деятельность стала для него преодолением приобретенного знания. Состояние гармонии окружающего мира и человека, который в этом мире встречает Бога, увековечено в изданной в 1936 году Правде старых времен. Книга переработанных гуцульских саг предварена цитатой из Законов Платона в переводе самого Винценца: «в обществе, где не живут ни богатство, ни бедность, самые надежные нравы все еще можно найти. Поэтому, если слышали они в историях, что это – красивое, а то – некрасивое, то по простодушию своему считали наиболее правдивым, и тому верили, а считая правдой то, что говорят о богах и людях, жили согласно тому же» (Vincenz, 1979, s. 5). Как замечает Хороший, в текстах писателя Гомер, Платон и Данте были вплетены в жизнь гуцулов, рождая совершенный образ, почти

завершенную вселенную, в которой все имело смысл и свою цель (Choroszy, 1992, s. 107). Винценц создает мир, приближающий нас к тайне, и при этом никогда ее перед читателем полностью не открывает. Он часто возвращается назад чтобы опять отправится в путь, теперь уже новой гуцульской тропой, чтобы привести читателя в то место, в котором родиться новый вопрос на ту же тему, вопрос о смысле мироздания. Писатель делает это изобретательно, с воображением и убежденностью: «самое сильное воздействие [на читателя] имеют в наше время произведения, которые приводят к порогу определенного порядка вещей, идеала или значения, которые позволяют его предвосхитить, но при этом – не выразить. Дрожь оплодотворения и потрясение рождения» (Vincenz, 1993a, s. 162).

Работа над последующими томами была прервана началом второй мировой войны обрекающей писателя на скитания, которым предшествовало пребывание в советской тюрьме в Станиславова. О заключении писателя А. Ковальчик пишет так: «Винценц был обвинен в нелегальном пересечении государственной границы. Во время допросов его обвинили также в том, что он, якобы, вместе со своим сыном выполнял некое шпионское задание. Неизвестно, как бы развивались дальнейшие события, если бы не надежды, которые связывала советская власть с личностью Винценца. Его освобождение после семи недель ареста не стало триумфом законности. Возможно, писатель должен был организовать литературу. Власть, наверное, рассчитывала на то, что он украсит Парнас Красным флагом. Освобождению писателя способствовало вмешательство некоего известного советского литератора, фамилию которого он предпочел скрыть. После освобождения, ссылаясь на плохое состояние здоровья, Винценцу удалось избежать организации литературы. Помогло ему, наверное, и то, что он оставался далеко от Львова, где его критическое отношение к советской власти, рано или поздно, стало бы достоянием общественности. В Быстрице, среди гуцулов он чувствовал себя в безопасности» (Choroszy, Kolbuszewski, 1992, s. 23). Пережить тяжелые времена помогало Винценцу творчество: «В воображении вперед. И тогда пространство ночи освещенная луной, охраняемое вечными звездами, становится спасением, побегом из мира людей и зажатого горечью мира души. Нейтральное пространство, хотя не особо нежное, но не вражеское» (Vincenz, 1993a, s. 73).

ИЗГНАНИЕ ИЗ АРКАДИИ

В мае 1946 года Винценц покидает место, так долго служившее ему пристанью. Вот как он описывает прощание с гуцульской хатой, с которой его теперь связывало так много воспоминаний:

«настал час насовсем покинуть дом. Оставшиеся уже на противоположенном крутом склоне горной реки блеснули нам на прощание большие окна, завешанные занавесками. Почему вы нас покидаете? Никто не видел, не знал, куда и когда мы исчезли, каждый предпочитал об этом и не знать» (Vincenz, 1966, с. 178; Ruszczak, 2007, с. 8–52).

Наш герой вновь, неся за плечами собственные рукописи, оказывается вместе с семьей на новой земле, в Венгрии, где, однако, не чувствовал себя вполне безопасно. Именно тяжелый опыт этого периода жизни стал основой для повести Послевоенные перипетии Сократа, которую Винценц начал публиковать в 1946 году. За вымышленным образом освобожденного Сократа скрывается сам писатель, который на корабле – как символу изменчивости судьбы – переживает дилеммы, связанные с одиночеством и переходом в новую реальность. Вот как он передает переживания афинского мудреца:

«Сократ посмотрел вверх: весенние теплые звезды угасали. Взглянул перед собой: берегов не видно. Слушал: волны млели остатком сил души, потом лишь шипели. – Пробуждение к чему? Ни одного знакомого силуэта. Ни одного лица для меня, ни меня для кого-либо. Я покинут всеми, всех покинул и я, безвозвратно. Что срослось когда-то – теперь разорвано. Не плод, оторвавшийся от утробы, но лишь пронизанный болью клочок [...] Околеваю. Этот холод превращает меня в камень! Бремя мое растет, плащ отягощает меня болью, мое ложе душит меня, корабль и море тяготят, как и вся земля. Без устали шипят неспособные умереть волны. Тюрьма без конца» (Vincenz, 1985, s. 11).

Тюрьме наступил конец вместе с окончанием войны, которого писатель дождался, оставаясь в Венгрии.

Страна, однако, была уже другой. Советские войска принесли с собой политическую систему, тяготы которой Винценц ранее ощутил на себе в Польше. Теперь, в Ноградвероце [Nógradveroce], продолжая искать человечность во всем окружающем, преодолевая некие

собственные внутренние границы, писатель находит себя в роли переводчика. Комментируя слова Мицкевича, он пишет:

«вечный человек путешествует через историю и неустанно обновляется. Изменяя свою национальную принадлежность, становясь раз греком, раз китайцем, раз поляком... в каждой из этих фигур он сохраняет содержащееся в ней религиозное и политическое прошлое, переплавляется, словно в огромном костре, в единое целое» (Vincenz, 1983b, s. 121).

Вскоре Винценц уезжает из Венгрии, чтобы после длительных скитаний окончательно поселиться в швейцарском Ла-Комб-де-Лансе, где писатель становится мудрецом и учителем не только для ученых и исследователей, но также и для простых местных жителей. Оставаясь интеллектуально активным, он пишет статьи в парижский журнал «Культура», проводит лекции и многочисленные встречи. Так, по его инициативе в замке в Валламонде в 1958 году проводилась конференция, посвященная культуре «малых отчизн».

ФИЛОСОФИЯ ПЕРВИЧНОГО ЛУЧЕЗАРНОГО ДОБРА

В короткой статье невозможно полномерно охватить выдающееся литературное творчество Винценца. Чтобы показать, как писатель решал для себя наиболее глубокие метафизические вопросы, во многом формирующие его религиозность, приведем лишь один из аспектов его мысли, а именно – его понимание Бога, сатаны и человека. Выросший в католической среде писатель, тем не менее, не совсем принимал необходимость существования сатаны как вечного зла. Его иконоборческая убежденность в том, что совершенство Создателя не только не позволяет творить зло, и тем более – обречь на зло и осуждение, принципиально выходит за рамки, допустимые в основных христианских конфессиях, и даже за рамки признанной еретической мысли Оригена. Свое понимание Винценц представил в метафизическом и во многом – апокрифическом (Vincenz, 1983a, s. 562) тексте *Самаэль в небе* (Vincenz, 1993b, s. 182–211). Опираясь на метафизику А.Н. Уайтхеда, утверждавшего, что мир является сном Бога, а также на хасидские повести, писатель создает картину обращения сатаны, совершающегося в некоем Небесном парламенте, который не столько судит и подводит итоги историческому существованию мира, сколько устраняет существующие в мире разделы, производя, таким образом, его трансформацию (μετάνοια).

Автор вкладывает в уста Самаэля такие слова:

«Брат мой, человек, – перебил Самаэль, – в сущности, не в наставлении вас я принимал участие, а в вашем совершенствовании, стремясь к нему через противоположность. Я до конца оставался вашим противником, но никто не обвинит меня в притворстве, свойственному возомнившему о себе праху, я был врагом каждому Божьему творению. Будучи сам зачат светом, я привлек все океаны тьмы – лишь бы только забыть о свете, ведь я так восхитился Господом, что сам возжелал, подобно Ему, творить из ничего и [пребывая] ни в чем. Сейчас, возлагая свой последний вздох к венцу ваших огней, с мыслью, что в поисках моей Рыбы я не понял, не смог понять, что не только темная пыль – из света, и не для того все создано, чтоб пройти бесследно, но для Памяти Господа, что даже я сам вернусь в свет. Сферы, Острова и Престолы сверкали друг другу сквозь просторы вестями улыбок. Рыба, закинув молочную сеть, собирала сияния. Красная звезда покорно скинула свое красное сияние в сеть Рыбы. От Рыбы рассеивалась млечная роса. Человек и Люцифер всасывали ее жадно, подобно весенним травам» (Vincenz, 1993b, с. 208).

И далее:

«Сатана, старший брат человека в творении, в конце концов обретет единство в свете, который является вечной природой того, чье имя правоверному еврею упоминать не пристало. Но и Люцифер, и человек определили имя Создателя одинаково: Люцифер [...]: “Имя Его – тоска по Нему”. Человек прошептал: “Имя его тишайшее”» (Vincenz, 1993b, с. 209).

Люцифер не осужден. Чтобы трансформирующийся мир и далее оставался существующим, вместе с тем – миром без зла, Винценц, устами Слова-Бога дает такой наказ: «Теперь открываю вам вашу тьму, преисполненную светом, светом скрытым, светом исчезающим, светом не порожденным. Каждая его безымянная нить на краешке несет моё имя. Воскрешает меня, воскрешайте и вы танцем ваших стоп. Слава вам, светочам неистребимым, вы мои дети» (Vincenz, 1993b, с. 211). Начиная с этого момента, по Винценцу, в трансформировавшемся мире появится человек, который будет стремиться к Свету, а вслед за ним отправится его старший брат,

Люцифер, который был только испытанием стойкости человека, а не его реальным врагом (Ołdakowska-Kuflowa, 1997, s. 156). По нашему мнению, с помощью литературных средств, обращаясь к каббалистической мысли, Винценц стремится указать новые пути для метафизики диалога. Метафизики, выходящей за рамки воображения системного философа, и уж тем более – теолога.

Сквозь трудный в плане общественных и личностных отношений период между мировыми войнами, и тем более, сквозь время второй мировой войны, обнажившее бездны зла, писатель пронес свою незыблемую этическую позицию. Она выражалась, прежде всего, в понимании Другого и Отличного исключительно в горизонте блага, чему примером служит отношение Винценца к положению евреев в гитлеровской оккупации:

«я многократно признавался в дружбе с евреями. Следовало бы при этом каждый раз добавлять, что это не был, конечно же, комплимент для евреев, но мне самому приносит неза заслуженный почет» (Vincenz, 1993a, s. 102).

Размышляя над трагической судьбой еврейского народа, он оживляет перед собой собирательный образ еврея, на протяжении сотен лет старавшегося приспособиться к ситуации, в которой находился, он анализирует свое положение, чтобы выжить: ни в одной стране он не мог вызвать доброжелательное отношение к себе со стороны политических и военных сил. Его единственным оружием оставалось его знание и сознание своей исключительности. Однако такое оружие – если его можно вообще назвать оружием – было совершенно неэффективным перед лицом человека, напротив, который был готов убивать. Свои размышления писатель заканчивает противопоставлением:

«милосердны сыны милосердных – а здесь мир железа и кровавого месива» (Vincenz, 1993a, s. 105).

Близость людей, убитых нацистами в Коломые, с которыми были связаны воспоминания детства и молодости Винценца, он чувствовал всегда. Уже, будучи на чужбине, часто возвращался к ним в своей памяти:

«я вспоминаю профессора греческого языка Захария Дембитзера, который учил нас любить Гомера. Вспоминаю моего соседа,

справедливого старца Бер-Лантенера, который уже ведомый гестаповцами, успокаивал испуганных причитающих людей в толпе, собравшейся вокруг: дети, это все от Бога, не ропчите. Я вспоминаю моих знакомых и школьных друзей среди евреев, тех, которые погибли еще в молодости, перед первой мировой войной как Марсель Риттигштейн, погибших в первую мировую как Мишо Гулес и Мишелька Сухора, о котором нам наш ксендз в воскресной школе говорил: присмотритесь к нему, у него лицо Иисуса. Я вспоминаю бабушку Гулеса, которая своими маленькими ножками часто моросила по Коломые, основала фонд для еврейских сирот, а на восьмидесятом году жизни была увезена гитлеровцами вместе с правнучкой. Я вспоминаю пару убогих стариков из-под Косова, принявшую нас, незнакомцев, на ночлег во время оккупации, в одну из особенно морозных ночей, в свой дом, напоминающий скорее подвал. Десятки и сотни лиц толпятся уже на том берегу. Я приветствую их всех» (Vincenz, 1980, s. 78–79).

Сквозь эти слова сквозит подлинность переживания блага, вера, что даже в смертный час оно единственное сохраняет смысл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Винценц на протяжении всей своей долгой жизни переживал опыт пересечения не только физических, но также и ментальных границ. Именно эти два аспекта опыта привели к такому, а не иному отношению к тому, что находится за пределами самой жизни и стало для писателя вдохновением к творчеству. Начиная от неосознанного детского выхода в иное измерение, через принимаемые в течение жизни осознанные решения, Винценц становился гражданином многих культурных миров, стараясь выносить из каждого нечто ценное, и одновременно – стремясь вносить эти содержания в свой собственный культурный круг, очерчиваемый гуцульским менталитетом и польским языком. Благодаря такому преодолению границ и одновременному, неустанному возвращению к самому себе, были созданы произведения, обогатившие польскую культуру и воспевающие культуры иные. Так сегодня его творчество и фигура стали одним из источников конструирования культурной самоидентичности Украины. На протяжении всей своей долгой жизни Винценц старался быть тем, кто объединяет, а не разделяет, тем, кто ищет точки соприкосновения разных, часто весьма отличных культур. В заключение приведем его стихотворение, главным посылом

которого является воспевание дружбы как некой божественной миссии:

*За горой, перевалом, за лесом, за лугом
Он всегда ждет меня – тот, кто стал мне другом
И знак подает мне рядком тополей
Здесь дорога, иди не спеши ты ко мне
И манит меня облаками и громом
Здесь дорога ко мне, к родному порогу
Уж ли это усатый, ушедший мой папа
Уж ли мама стоит, замерев возле хаты
Иль друзья мои, статны, юны и дородны
В предпоследней войне полегли, непокорные
И сыночки, кровинки, надежда единая
То есть живы, погибли, а может – погибнут
Но молнией знак подает мне лучистой
Поспеши, пусть тоска твоя не сомкнет десницы
Шаг за шагом все ближе я к истине буду
Шаг за шагом, в пространство, вглубь... это чудо.¹
(Vincenz, 1993a, s. 174)*

Чудом здесь является само метафизическое желание быть вместе, стремление к единству, способному осчастливить человека. Такое желание почти не реализуемо, хотя – как и любое желание – возможно. Жизненный путь Винценца подытожил Юзеф Чапский:

«Если не одичали мы все на наших отдаленных островах – речь тут идет не о географии – то это лишь благодаря нескольким среди нас, людям масштаба Станислава Винценца, которые были нашей совестью истории, потому как самими собой они реализовали именно польскую, и вместе с тем – универсальную традицию, ее наиболее ценное направление, незапятнанное ни нашей гордыней, ни любой другой волей подчинения себе кого бы то ни было» (Czapski, 1971, s. 125–128).

Список литературы

Choroszy, J. (1992). *Huculszczyzny Homer czy Macpherson?* In J.A. Choroszy, J. Kolbuszewski (Eds.). *Świat Vincenza. Studia o życiu i*

¹ Перевод с польского Романа Туровского.

- twórczości Stanisława Vincenza (1888–1971)*, (s. 105-114). Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum.
- Choroszy, J.A., Kolbuszewski, J. (Eds.). (1992). *Świat Vincenza. Studia o życiu i twórczości Stanisława Vincenza (1888–1971)*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum.
- Czapski J. (1971). Stanisław Vincenz. *Kultura*, 3(282), 125–128.
- Dostojewski, F. (1917). *Sen śmiesznego człowieka*, tłum. Stanisław Vincenz, Lwów.
- Hersch, J. (1992). Stanisław Vincenz – jego obecność, przeł. E. Skibińska-Cieńska. In J.A. Choroszy, J. Kolbuszewski (Eds.). *Świat Vincenza. Studia o życiu i twórczości Stanisława Vincenza (1888–1971)*, Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum.
- Kowalczyk, A.S. (1992). Stanisław Vincenz – szkic do biogramu. In J.A. Choroszy, J. Kolbuszewski (Eds.). *Świat Vincenza. Studia o życiu i twórczości Stanisława Vincenza (1888–1971)*, (s. 15–29). Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum.
- Olđakowska-Kuflowa, M. (1997). *Stanisław Vincenz wobec dziedzictwa kultury*. (2 wyd.). Lublin: Wydawnictwo KUL.
- Paczoska, E. (2018). Między epopeją a sagą: „Na wysokiej połoninie”. In K. Duda, J. Skłodowski (Eds.). *Dziedzictwo kulturowe Karpat* (T. 1, s. 35–48). Kraków: Scientia Plus.
- Ruszczak, A. (2007). Stanisława Vincenza i Jerzego Stempowskiego perypetie na granicy węgierskiej (1939–1940). *Plaj. Almanach Karpacki*, 35, 8–52.
- Rymarowicz, L., Zełenczuk I. & Zełenczuk, J. (2016). Połahna – Stanisława Vincenza przewodniczka po huculskiej duszy. *Plaj. Almanach Karpacki*, 52, 47–56.
- Vincenz, A. (1983a). Posłowie. In S., Vincenz, *Barwinkowy wianek*, (s. 548-565). Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX.
- Vincenz, S. (1966). *Dialogi z sowietami*, London: Nakładem Polskiej Fundacji Kulturalnej.
- Vincenz, S. (1979). *Na wysokiej połoninie. Prawda starowieku. Obrazy, dumy i gawędy z wierchowiny huculskiej*. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX.
- Vincenz, S. (1980). *Z perspektywy podróży: zbiór esejów*. Kraków: Wydawnictwo Znak.
- Vincenz, S. (1983b). Adam Mickiewicz poeta i człowiek (1798–1855). In S., Vincenz. *Po stronie dialogu* (T. 1, s. 111–122). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Vincenz, S. (1985). *Powojenne perypetie Sokratesa*, Kraków: Wydawnictwo Znak.

- Vincenz, S. (1993a). *Outopos. Zapiski z lat 1938–1944*, Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
- Vincenz, S. (1993b). *Tematy żydowskie*, (2 wyd.). Gdańsk: ATEXT. (Biblioteka im. Stanisława Vincenza).
- Vincenzowa, I. (1996). Rozmowy ze Stanisławem Vincenzem (1961–1962). *Regiony*, 1, 107–138.

References

- Choroszy, J. (1992). Hutsul Homer or MacPherson? In J. A. Choroszy, J. Kolbuszewski (Eds.). *The World Of Vincenz. Studies on the life and work of Stanislaw Vincenz (1888-1971)*, (pp. 105-114). Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum. (in Polish).
- Choroszy, J. A., Kolbuszewski, J. (Eds.). (1992). *The World Of Vincenz. Studies on the life and work of Stanislaw Vincenz (1888-1971)*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum. (in Polish).
- Czapski J. (1971). Stanislaw Vincenz. *Culture*, 3(282), 125–128. (in Polish).
- Dostoyevsky, F. (1917). *The Dream of a Ridiculous Man*, S. Vincenz, transl., Lviv. (in Polish).
- Hersch, J. (1992). Stanislaw Vincenz – his presence, E. Skibinska-Cienska, transl. In J. A. Choroszy, J. Kolbuszewski (Eds.). *The World Of Vincenz. Studies on the life and work of Stanislaw Vincenz (1888-1971)*, Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum. (in Polish).
- Kowalczyk, A.S. (1992). Stanislaw Vincenz – a scetch for a biography. In J.A. Choroszy, J. Kolbuszewski (Eds.). *The World Of Vincenz. Studies on the life and work of Stanislaw Vincenz (1888-1971)*, (pp. 15–29). Wrocław: Oficyna Wydawnicza Leopoldinum. (in Polish).
- Oldakowska-Kufłowa, M. (1997). *Stanislaw Vincenz and the cultural heritage*. (2nd ed.). Lublin: KUL Publishing house. (in Polish).
- Paczoska, E. (2018). Between the Epic and the Saga: "On a high meadow". In K. Duda, Yu. Sklodowski (Eds.). *Cultural heritage of the Carpathians* (Vol. 1, p. 35-48). Krakow: Scientia Plus. (in Polish).
- Ruszczak, A. (2007). The vicissitudes of Stanislaw Vincenz and Jerzy Stempowski on the Hungarian border (1939–1940). *Plaj. Carpathian Almanac*, 35, 8–52. (in Polish).
- Rymarowicz, L., Zelenczuk I. & Zelenczuk, J. (2016). Polahna — Stanislaw Vincenz's Guide to the Hutsul Soul. *Plaj. Carpathian Almanac*, 52, 47–56. (in Polish).
- Vincenz, A. (1983a). Afterword. In S., Vincenz, *Vinca wreath*, (pp. 548-565). Warsaw: PAX Institute publishing. (in Polish).

- Vincenz, S. (1966). *Dialogues with the Soviets*, London: publication of the Polish Cultural Foundation. (in Polish).
- Vincenz, S. (1979). *On the High Uplands. True of old believers. Images, ideas and stories from the Hutsul Verkhovyna*. Warsaw: PAX publishing Institute. (in Polish).
- Vincenz, S. (1980). *From a travel perspective: a collection of essays*. Krakow: Publishing house Znak. (in Polish).
- Vincenz, S. (1983b). Adam Mickiewicz, the poet and the man (1798-1855). In S., Vincenz. *On the dialogue side*. (Vol. 1, pp. 111-122). Warsaw: State Institute Publishing. (in Polish).
- Vincenz, S. (1985). *Socrates' post-war vicissitudes*, Krakow: Publishing house Znak. (in Polish).
- Vincenz, S. (1993a). *Outopos. Notes of 1938–1944*, Wroclaw: Wydawnictwo Dolnośląskie. (in Polish).
- Vincenz, S. (1993b). *Jewish themes*, (2nd ed.). Gdansk: ATEXT (Library named after Stanislaw Vincenz). (in Polish).
- Vincenzowa, I. (1996). Conversations with Stanislaw Vincenz (1961-1962). *Regions*, 1, 107–138. (in Polish).